

Владимир
БАСОВ:

КОГДА разговор заходит о творческом кредо писателя, композитора, актера, режиссера, словом, о творческом кредо художника, пожалуй, каждый согласится, что оно рождается в муках, оно выстрадано. И я попросил Владимира Павловича Басова начать нашу беседу не «от пачки», а от точки — точки отсчета, с которой пришло понимание своего места в искусстве.

— Для меня эта точка отсчета определена предельно четко. Мое поколение — поколение военное. 21 июня 1941 года мы получили аттестаты зрелости. Мы мечтали, как только могут мечтать семнадцатилетние, о том, чтобы покорить льды. Мечтали совершить сверхдальние и сверхскоростные перелеты. Спорили о преимуществах заслуженного мастера спорта перед заслуженным артистом республики. А 22 июня мы уже знали, что обречены думать только об одном — о победе. О защите Отечества. Из десятиклассников 1941 года очень, очень многие не вернулись с поля боя. А те, кому выпало жить, поняли, чего стоят тишина и чистое небо, возможность мечтать, зная, что мечта твоя осуществится. Понимание этого великого счастья — мира — и память о войне с самого начала моей работы в кино продиктовали позицию, направление, кредо: печь хлеб, а не пирожки. Вы меня, конечно, понимаете не буквально — я говорю о простоте искусства. Я глубоко убежден, что простота — это хлеб искусства. Ведь что такое по сути дела моя работа? Я рассказываю всем то, что я мог бы рассказать каждому наедине вечером у костерка своего солдатского, походного. И я приглашаю к этому костерку. А поскольку я хочу рассказать о чем-то одновременно многим зрителям и кино дает мне такую возможность, я считаю, что обязан говорить просто. Но так, чтобы эта простота обязательно нашла отклик и отклик в душе зрителя.

Одно из моих любимых произведений — «Василий Теркин» Твардовского. Почему? Помните строки, завершающие поэму: «...вот стихи, а все понятно, все на русском языке...»? Это «все на русском языке» мне очень близко, в этом — исповедуемая мною простота, с которой я стараюсь подходить и к выбору темы, и к стилю.

— Но фильмы, которые вы ставили, так отличаются друг от друга...

— Я могу за вас продолжить вопрос, потому что и сам как-то раз «раздвинулся» на режиссера и кинокритика и затеял «между нами» примерно такой разговор: «Послушай, — спрашивал Басов-критик Басова-режиссера, — все твои рассуждения о единой линии в выборе темы несостоятельны. Вот поставленные тобой фильмы: «Нахлебник» — XIX век, Тургенев, классика русская; «Необыкновенное лето» и «Первые радости» — К. Федин, эпоха революции, советская классика; «Щит и меч» — В. Кожевников, Великая Отечественная; «Битва в пути» — Г. Николаева, современность. Как все это уложить вдоль единой линии, о которой ты говоришь?» И Басов-режиссер отвечал: «А ведь есть линия, и линия вполне определенная. В каждом фильме я рассказываю о людях, которые в чрезвычайных — душевных или исторических — обстоятельствах

«ПРОСТОТА — ХЛЕБ ИСКУССТВА»

ищут и находят свое, единственное возможное место в жизни. В каждом из них горит огонь борьбы за истину, за святость таких понятий, как честь человеческая и гражданское мужество. Кузовкину, герою «Нахлебника», говорят: «Отрекись от своей дочери. И будет тебе хлеб, кров, тепло. Но если ты скажешь, что это твоя дочь, то тебе не будет хлеба, крова, тепла. Не будет ничего». А он не лжет — ни людям, ни себе. И это ввергает его в голод и холод. Но ведь не хлебом единым жив человек, если он человек. Нельзя из-за жизненных удобств, собственного спокойствия жертвовать душой...

Герои фильмов, которые мне довелось поставить, хранят эту первозданную чистоту. Они остаются самими собой в самых тяжелых жизненных обстоятельствах. Кирилл Извеков и Сергей Вохминцев, Александр Голиков и Дмитрий Бахирев, Кузовкин и Белов-Вайс — люди одного склада. Они не лгут, они не ищут тихой гавани, они борются...».

— Владимир Павлович, вы в одинаковой любовью говорите о всех героях ваших фильмов. Но ведь наверняка есть и «одна, но пламенная страсть», есть фильм, который дорог больше других.

— Когда меня спрашивают о том, какую картину я считаю лучшей, я, наверное, как и многие, отвечаю, что лучшая еще впереди. А вот любимая есть. Это «Тишина», поставленная по роману Юрия Бондарева. Проза Бондарева увлекла меня сразу. Я читал и перечитывал его повести «Батальоны просят огня», «Последние залпы», «Юность командиров», уже как бы «примеривая» их к киноэкрану. А когда вышел роман «Тишина», который я прочитал взахлеб, понял, что не могу не поставить по этой книге картину. Меня привлекли сюжет романа, его художественная ткань, в которой было удивительно много (если можно говорить о книге как о полотне художника) чистого воздуха. А самое главное — в «Тишине» был герой, в котором я узнал самого себя. Не скажу, что судьба Сергея Вохминцева

была повторением моей судьбы, но в ней я узнал многое и от Бондарева, и от себя, и от моих фронтовых друзей. Образ Вохминцева был настолько точным и живым, что я сразу увидел его на экране. Увидел этого человека, оглохшего в послевоенной тишине, не умеющего начать жизнь в непривычной — после оружейных залпов — тишине. Тишине обманчивой, где человека подстерегают и взрывы, и залпы, и затяжные бои. И нужно отдать много сил, чтобы суметь пойти в атаку на подлость, несправедливость и победить.

Время работы над двухсерийным фильмом «Тишина» я считаю лучшими годами моей жизни. Сотрудничать с Юрием Васильевичем Бондаревым было удивительно легко — мы даже не разделяли наши обязанности, с одинаковым увлечением работая над переложением языка романа на язык кинематографа. Я внимательно вслушивался в кинематографические предложения писателя, он учитывал мои драматургические пожелания. И надо сказать, что почти всегда мы понимали друг друга с полуслова, видимо, потому, что нам — офицерам-артиллеристам — одинаково дорог был наш Сергей Вохминцев, тоже артиллерист. Оба мы — люди, ушедшие на войну со школьной скамьи, оба начинали после войны жизнь с самого начала. И оба мы видели в герое «Тишины» самих себя и знали его, как самих себя.

Герои произведений Юрия Бондарева мне как-то автобиографически родны, и я хотел бы попытаться счастья — попробовать сделать в соавторстве с ним еще фильм. Наверное, это могло бы быть продолжение «Тишины» — роман «Двое»... Или что-то другое, может быть, еще не написанное, но уже задуманное. Я вообще считаю, что если однажды нашел такого близкого тебе по мыслям и духу писателя, то нужно пытаться работать с ним еще и еще. Нельзя ведь дружить от случая к случаю... Хочу в ближайшее время, говоря военным языком, «возобновить атаку» на Бондарева,

снова обратиться к его замечательной прозе...

А пока я работаю над новым фильмом. Он, как и прежде, продолжает ту линию, о которой уже говорилось. Это будет кинолента по роману Юрия Скопа «Техника безопасности». Пока что мы ее условно называем «Факты минувшего дня», хотя можно назвать и «Факты грядущего дня», потому что нравственные проблемы, поставленные в книге, наверняка будут стоять перед нами и завтра, и послезавтра. Не буду говорить о будущем фильме подробно, скажу только, что зритель увидит в герое картины — Кряквине те самые черты, которые объединяют и Вохминцева, и Бахирева, и Извекова...

— Часто приходится слышать от писателей, что им не хочется расставаться с рукописью, нести ее в издательство. Пока она на рабочем столе — в нее можно внести дополнения или убрать что-то, показавшееся лишним. В конце концов это можно сделать и в переиздании. С кино же это невозможно — смонтирован последний кадр, кинолента готова — уже раз и навсегда. А ведь порой, через какое-то время, понимаешь — можно и нужно было сделать что-то не так, по-другому. Не охватывает ли вас, Владимир Павлович, при просмотре своих старых фильмов желание переделать тот или иной эпизод, по-новому расставить акценты?

— Нет. Я вообще, будь на то моя воля, запретил бы выпускать книги «исправленные и дополненные», и вот почему. Однажды мой сын, восьмиклассник, решил исправить, улучшить свои же рисунки, сделанные в пятом классе. Взглянул — и безнадежно их испортил, потому что из них исчезла детская простота и чистота восприятия мира. Поэтому я даже рад, что не имею возможности вносить «поправки и дополнения» в свои фильмы. Каждый из них — определенный этап творчества. И пусть на этом этапе допущены какие-то ошибки — пусть они останутся. Хотя бы для того, чтобы сказать — со временем я буду делать их меньше...

— Владимир Павлович, вы снимались как актер почти в восьмидесяти картинах. Чем вы руководствуетесь при выборе той или иной роли?

— Я люблю небольшие, но емкие роли. Никогда не стану играть человека скучного, без чудинки. Всегда отдам предпочтение образу, который можно раскрыть за короткое время и в то же время оставить у зрителя ощущение, что этот герой, на несколько минут появившийся на экране, — не второстепенный персонаж, а человек со своей интересной жизнью. И пусть она осталась за кадром, но она есть. И над ней стоит задуматься. В этом отношении мне очень дорог и близок Чехов с его мастерством рисовать скупыми красками удивительно живой, полнокровный, зримый образ. Считаю, что мне повезло — я дважды сыграл чеховских героев в фильмах Михаила Швейцера «Карусель» и «Смешные люди». И, откровенно говоря, мечтаю сам сделать фильм по Чехову. Люблю его произведения все до единого — в каждом из них есть дорогая моему сердцу простота.

Вел беседу
Ал. МАТИНЕЦ